

УДК 94(476.5)«1944/1945»

Социокультурные изменения и общественные настроения в повседневной жизни населения Витебщины в послеоккупационный период Великой Отечественной войны

Николаева И.В.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

История повседневности является одним из приоритетных направлений современной антропологически ориентированной исторической науки. Цель данной статьи – проанализировать социокультурные изменения в повседневной жизни жителей Витебщины и охарактеризовать общественные настроения населения региона после освобождения территории области от нацистской оккупации и до окончания Великой Отечественной войны.

Материал и методы. *Исследование осуществлялось на основе информационной и отчетной документации комитетов КП(б)Б, содержащейся в Государственном архиве Витебской области и материалов устных источников, собранных путем записи воспоминаний жителей Витебщины.*

Результаты и их обсуждение. *Преодоление, прежде всего, социально-экономических последствий войны отодвигало на второй план вопросы досуга, культурного проведения свободного времени. Восприятие повседневности жителями региона определялось особенностями послеоккупационного военного периода, характеризующегося противоречивыми тенденциями. С одной стороны, это преодоление последствий разрушительной войны и оккупации, связанных с низким материальным уровнем жизни и тяжестью личных утрат. С другой стороны, характерными были желание лучшей жизни, вера в светлое будущее, что обуславливалось психологическими причинами и поддерживалось правительственными мерами.*

Заключение. *Вопреки материальным трудностям местные органы власти уже в послеоккупационный период войны прилагали усилия по воссозданию работы учреждений культуры и образования. И хотя по причине нехватки средств, квалифицированных кадров процесс восстановления учреждений культуры и распространения средств массовой информации шел очень медленно, культурная жизнь постепенно налаживалась. Несмотря на имевшие место протестные настроения в западных районах, в целом система ценностей советского строя разделялась большинством населения региона, в массовом сознании преобладал государственный патриотизм. Подавляющая часть общества с пониманием относилась к необходимости значительного напряжения сил и подчинения личных интересов общим для приближения по-настоящему мирной жизни и преодоления последствий войны и оккупации.*

Ключевые слова: *повседневность, война, оккупация, социокультурный, образование, культура, досуг, общественные настроения.*

(Ученые записки. – 2015. – Том 19. – С. 37–42)

Social and Cultural Transformations and Public Everyday Life Moods of Vitebsk Region Population in the Post Occupation Period of the Great Patriotic War

Nikolayeva I.V.

Educational establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masherov», Vitebsk

The history of everyday life is one of priorities of contemporary anthropologically oriented historical science. The purpose of the article is to analyze social and cultural transformations in everyday life of people of Vitebsk Region and characterize public moods of the population after the liberation of the territory from Nazi occupation and up to the end of the Great Patriotic War.

Material and methods. *The study was based on information and reporting documents of Communist Party Committees, which are at State Archive of Vitebsk Region as well as materials of oral sources collected by writing down reminiscences by the people of Vitebsk Region.*

Findings and their discussion. *Overcoming social and economic consequences of war put aside issues of leisure, cultural pastime. Perception of everyday by people of the Region was shaped by features of post occupation war period, which was characterized by contradictory tendencies. On the one hand, it was overcoming consequences of the devastating war and*

Адрес для корреспонденции: e-mail: kviimk@vsu.by – И.В. Николаева

occupation which were connected with low material standards of life and hard private losses. On the other, it was the desire of better life, belief in better future, which was conditioned by psychological reasons and supported by government measures.

Conclusion. In spite of material hardships local authorities already in the post occupation period of the War made attempts to renew the work of educational and cultural establishments. Although due to lack of resources, qualified workers the process of rehabilitation of cultural establishments and circulation of mass media was very slow, cultural life gradually improved. In spite of protest moods in western districts, the system of values of the Soviet order was shared by most of the population, in mass consciousness state patriotism prevailed. Bigger part of the society understood the necessity in considerable strengthening forces and submitting personal interests to common ones to make peace nearer and to overcome war and occupation consequences.

Key words: everyday, war, occupation, social and cultural, education, culture, leisure, public moods.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 19. – P. 37–42)

История повседневности является одним из приоритетных направлений современной антропологически ориентированной исторической науки. Исследование повседневности дает возможность рассматривать человека не только в качестве объекта воздействия, но и в роли субъекта, формирующего внутреннее содержание исторического процесса, позволяет судить об особенностях ментальной структуры общества на определенном хронологическом отрезке. В связи с этим особый интерес представляет история белорусского общества послеоккупационного военного времени: с освобождением территории республики от нацистской оккупации наступил мир, но еще в течение ряда лет он был фактически полувоенным и требовал не меньшего героизма, чем война. Послеоккупационная повседневность вносила свои коррективы в систему ценностей и ожиданий, которая сформировалась в предвоенные и военные годы, влияла на характер отношений общества в целом и его отдельных групп к политике властей.

Повседневную жизнь принято разделять на практическую и экспрессивную плоскости. В рамках первой исследуется материальное пространство повседневности (жилищная проблема, питание, одежда), а второй – социокультурное (досуг, праздники, общественные настроения и религиозные чувства).

Цель данной статьи – проанализировать социокультурные изменения в повседневной жизни жителей Витебщины и охарактеризовать общественные настроения населения региона после освобождения территории области от нацистской оккупации и до окончания Великой Отечественной войны.

Материал и методы. Исследование осуществлялось на основе содержащейся в Государственном архиве Витебской области информационной и отчетной документации комитетов КП(б)Б, которая освещает различные аспекты социокультурной региональной послеоккупационной ситуации, а также материа-

лов устных источников, собранных путем записи воспоминаний жителей Витебщины. Методологическую основу работы составили научные принципы историзма, объективности и системности, были использованы такие методы исторического познания, как историко-описательный, историко-сравнительный, историко-системный, статистический.

Результаты и их обсуждение. Архивные документы и воспоминания современников свидетельствуют, что повседневной действительностью послеоккупационного военного периода как взрослых, так и детей, горожан и сельских жителей Витебщины, как и республики в целом, было выживание в экстремальных ситуациях недоедания, жилищной неустроенности, борьбы с болезнями. Преодоление, прежде всего, социально-экономических последствий войны отодвигало на второй план вопросы досуга, культурного проведения свободного времени.

Сложность послеоккупационного периода предопределила особое место образования как социокультурного фактора в системе жизненных приоритетов как горожан, так и сельчан: образование представлялось как необходимая составляющая мирной жизни, о которой мечтали все. По мере освобождения территории от оккупации местные власти прилагали усилия по восстановлению системы общеобразовательных школ, для которых приспособлялись избы, землянки, другие уцелевшие строения. К началу 1944–1945 учебного года по области полностью было подготовлено 1158 начальных, 244 неполных средних и 29 средних школ [1, д. 15, л. 98]. В то же время основными причинами, по которым определенная часть ребят не посещали школы, в отчетах инспекторов отдела образования назывались плохое материальное обеспечение (отсутствие одежды и обуви), болезни и занятость на работе [1, д. 15, л. 29; 2, д. 21, л. 177]. Серьезной проблемой стал вопрос укомплектования школ педагогическими кадрами: докладные

с районов отмечают не только низкий образовательный уровень учителей, но и отсутствие специалистов, из-за чего некоторые уже восстановленные школы не могли приступить к работе [3, д. 70, л. 3].

Духовное состояние послеоккупационного военного общества отражает развитие досуговой сферы. Несмотря на материальные трудности, уже в послеоккупационный период войны были сделаны первые шаги по воссозданию и налаживанию работы учреждений культуры, которым придавалось большое значение в политико-моральном воспитании населения, находившегося в течение трех лет под нацистской оккупацией. Организацию форм досуга населения определяла советская идеология. Работа культурно-просветительных учреждений осуществлялась через профсоюзы, спортивные организации, дома культуры, кружки. В сельской местности очагом культуры и местом проведения досуга являлись клубы и избы-читальни. Из имевшихся в области до войны 375 политпросветучреждений после оккупации сохранились здания только 6 ДСК, 5 библиотек и 18 изб-читален [1, д. 15, л. 80]. Постановление бюро Обкома КП(б)Б от 5 сентября 1944 г. обязывало ГК и РК КП(б)Б с целью усиления политической и культурно-массовой работы среди населения восстановить во всех городах и районах области дома культуры, библиотеки и избы-читальни, обеспечить систематическую рассылку периодической литературы, провести районные и областной смотр колхозной художественной самодеятельности [4, д. 21, л. 4–6].

Объектом пристального внимания руководящих партийных органов стали западные районы БССР, в том числе созданной в сентябре 1944 г. Полоцкой области. Здесь дольше всего сохранялось западное влияние, существовали традиции быта и морали, отличавшиеся от советских. Власти предпринимали меры по интеграции населения этих регионов в состав БССР, восстанавливая зарекомендовавшую себя в восточных районах практику политико-воспитательной работы. На начало 1945 г. по Полоцкой области было организовано 22 ДСК, 196 изб-читален, в 12 районах созданы библиотеки [5, д. 21, л. 38]. В то же время в деятельности послеоккупационных учреждений культуры имелись как организационные (проблемы технического оснащения, обеспечения средствами на хозяйственные расходы, приобретения литературы и доставки периодических изданий), так и профессио-

нальные (нехватка квалифицированных кадров, отсутствие необходимого опыта работы) недочеты. В свою очередь, сельчане сами не очень стремились посещать культурно-просветительные учреждения, деревенская молодежь предпочитала по домам собираться на вечеринки, которые сводились главным образом к танцам [1, д. 14, л. 60–61].

Помимо распространения периодических печатных изданий, в областном центре и районах, в сельской местности налаживалась также деятельность агитационных бригад и агитаторов, в задачи которых входили чтение лекций и выступление с докладами о военно-политических событиях, положении на фронтах Великой Отечественной войны, а также проведение бесед на научные темы (о строении вселенной, происхождении человека, причинах болезни и борьбе с ними, научных основах земледелия и животноводства и т.д.) [4, д. 19, л. 112; д. 22, л. 39]. «Работа устного слова» была особенно актуальной в деревнях, поскольку большая часть крестьян была неграмотной.

Значительное внимание уделялось радиофикации городов и сельской местности. Уже 20 июня 1944 г. приступил к работе Областной радиокomitee, радиоузел выполнял местное радиовещание, трансляции московских и белорусских станций [2, д. 21, л. 38]. В то же время радио входило в дома жителей региона очень медленно, прежде всего, в связи с нехваткой радиооборудования. Со дня освобождения территории Витебской области Областным управлением кинофикации проводилась работа по организации точек киносети в освобожденных районах и городах. Трудности вызывались тем, что большинство помещений, где до войны показывали кино, было сожжено или разрушено во время оккупации. 10 августа 1944 г. в городе Витебске начал работу кинотеатр «Спартак» [2, д. 21, л. 35, 37]. В сельской местности действовали киноустановки. К началу 1945 г. по районам Витебской области было задействовано 16 комплектов киноаппаратуры; 6 звуковых и одна немая киноустановка обслуживали сельское население Полоцкой области [4, д. 126, л. 59; 5, д. 21, л. 38]. Несмотря на значительные разрушения и материальные трудности, за период с июля по ноябрь 1944 г. было продемонстрировано на экранах области свыше 30 разных фильмов, поставлен 991 сеанс. Следует отметить, что киноленты также несли на себе идеологическую печать, демонстрировались такие художественные и документальные фильмы, как «Разгром немцев под Москвой», «Сталин-

град», «Кутузов», «Зоя» и др. [4, д. 126, л. 61]. И хотя качество кинообслуживания оставляло желать лучшего, показ кинофильмов всегда был значительным событием на селе, а посещение кинотеатров – одной из самых любимых форм проведения досуга горожан. С 1 января 1945 г. приступил к своей постоянной работе и Белорусский государственный драматический театр имени Я. Коласа [4, д. 18, л. 33].

Большое внимание в городах уже в первые послеоккупационные месяцы уделялось развитию физической культуры и спорта. К ноябрю 1944 г. в Витебске возобновили свою деятельность 4 спортобщества: «Динамо», «Локомотив», «Смена», «Трудовые резервы». Комитетом по делам физкультуры и спорта в рамках массовой физкультурно-оздоровительной работы организовывались районные и областные спартакиады, 29 октября 1944 г. в день закрытия летнего сезона на стадионе «Динамо» был проведен кросс, посвященный празднованию годовщины Октябрьской революции [2, д. 12, л. 9]. Следует отметить, что к подготовке и празднованию советских праздников не только горожане, но и жители сельской местности всегда подходили с повышенной ответственностью. Особое значение приобрел восстановленный после оккупации обычай проводить митинги и массовые народные гуляния на такие праздники, как 1 Мая, 8 Марта, День Октябрьской революции [2, д. 11, л. 103–104; 4, д. 19, л. 134].

Характерной чертой послеоккупационной военной повседневности был всплеск религиозности среди населения, что объясняется желанием людей найти защиту от тяжелой в психологическом плане нагрузки военного времени. Во время Великой Отечественной войны советское правительство проводило либеральную политику по отношению к церкви, что привело к увеличению количества религиозных общин и их прихожан. Однако кампания по антирелигиозной пропаганде полностью не была прекращена, в первую очередь, это касалось западных районов, где сильные позиции имел костел, который оказывал серьезное влияние на большую часть населения. Реакцией на проводимую государством политику по отношению к религии являлись протестные настроения, которые имели значительное распространение особенно в западных районах. Так, ксендз г. Браслава во время проповеди в костеле призывал верующих сплотиться вокруг польского знамени и иметь в виду, что «мы живем временно под властью этих безбожников» [5, д. 21,

л. 86]. Вместе с тем, в послевоенные годы традиционная религиозная культура не была вытеснена из сознания и поведения значительной части, прежде всего, сельского населения. Руководство районов сообщало в область об имевших место случаях, когда молодежь подавала заявления для вступления в комсомол и продолжала ходить в церковь, костел, а иконы висели даже в некоторых сельских советах [5, д. 20, л. 173; д. 322, л. 1]. Религиозные традиции сельского населения репродуцировались на бытовом уровне: сельчане продолжали отмечать памятные религиозные даты, среди которых наиболее важными оставались Пасха и Рождество.

Исследование доминирующих общественных настроений на основе информационной и отчетной документации комитетов КП(б)Б, содержащихся в Государственном архиве Витебской области, а также материалов устных источников позволяет констатировать, что восприятие повседневности жителями региона определялось особенностями послеоккупационного военного периода, характеризующегося противоречивыми тенденциями. С одной стороны, это преодоление последствий разрушительной войны и оккупации, связанных с низким материальным уровнем жизни и тяжестью личных утрат. Материальные лишения, переживаемые в послеоккупационный период за малым исключением всеми жителями республики, усугублялись в преимущественно женском обществе дополнительными трудностями психологического характера, связанными с проблемой личной неустроенности, женского одиночества, невозможности для многих женщин создать семью из-за резкого сокращения мужского населения [6, с. 25–26]. Тяжелой психологической травмой для многих детей стали потеря близких и сиротство. С другой стороны, характерными были желание лучшей жизни, вера в светлое будущее, что обуславливалось психологическими причинами и поддерживалось правительственными мерами. Люди не могли быть настроены позитивно, так как им удалось пережить огромное несчастье – войну и оккупацию, по сравнению с которыми трудности послеоккупационной военной повседневности воспринимались как нечто временное и преодолимое.

Вместе с тем, отношение населения к мероприятиям, проводимым советской властью, являлось неоднозначным. Присутствующая в архивных материалах местных органов власти информация о настроениях населения свидетельствует, что в западных районах созданной Полоцкой

области была определенная часть общества, которая не смирилась с включением этих территорий в состав СССР, не приняла советскую власть и социалистические преобразования.

Крестьянами западных районов по-разному воспринималось восстановление порядка землепользования, существовавшего до нацистской оккупации. Одни с радостью принимали возвращенные земли, отнятые оккупантами, благодарили Сталина за избавление от голода и землю, которую не было возможности получить при иной власти [5, д. 286, л. 73]. Другие были обеспокоены, что наделение землей проводится специально для того, чтобы затем согнать крестьян в колхозы [7, с. 98].

По отношению к исследуемому региону советское правительство выстраивало политику в соответствии с курсом на активную поддержку колхозного строительства. Но если в восточных районах основная часть земель была включена в колхозы, восстановление которых происходило практически сразу, то в западных до начала войны коллективизация затронула лишь незначительную часть хозяйств. Согласно сведениям, представленным на ноябрь 1944 г., в шести восточных районах Полоцкой области насчитывалось 666 восстановленных колхозов, в то время как в девяти западных – только 23 [5, д. 5, л. 17]. И хотя до конца войны задача проведения массовой коллективизации в западных районах не ставилась, сразу после освобождения имели место случаи административных перегибов и применения методов грубых приказов. Так, в некоторых сельсоветах Полоцкого района в январе 1944 г. на организационных собраниях всех крестьян объявляли колхозниками, в том числе и тех, кто до войны в колхозе не состоял [4, д. 23, л. 5]. Такая организация колхозов «сверху» порождала негативную реакцию населения западных районов не только к колхозному строю, но и отрицательно сказывалась на отношении к советской власти. Ответом на проводимую государством политику по отношению к сельским жителям являлись протестные антиколхозные настроения. В Голубовском сельсовете Дриссенского района репатриированная говорила по этому поводу: «Если бы я знала, что не распустят колхозы, я бы не поехала из Германии» [5, д. 21, л. 234].

Докладные и сообщения о ситуации в западных районах Полоцкой области фиксируют факты деятельности различных антисоветских групп и бандформирований, направленной против партийных и советских органов

власти, местных активистов [5, д. 5, л. 29–30; д. 18, л. 121]. Так, только осенью 1944 г. в западных районах Полоцкой области было совершено 50 бандитских нападений на работников партийных и советских органов, местных активистов и сельские учреждения, был убит 31 работник и 3 ранено. Еще 17 бандитских нападений без жертв было совершено на сельсоветы, квартиры активистов, председателей колхозов и т.д. [5, д. 1198, л. 2]. Власти объясняли подобное поведение некоторой части населения «влиянием немецкой агентуры и польских националистов» [5, д. 21, л. 44]. При этом жертвами разбоя и грабежей бандитов часто становились простые крестьяне. В донесениях по ситуации в западных районах Полоцкой области приводятся примеры появления в деревнях листовок с угрозами в адрес крестьян, которые будут принимать участие в организованных органами советской власти собраниях и митингах, нападения на мирных рядовых граждан [5, д. 8, л. 7].

Общественно-политическую ситуацию в западных районах обостряло уклонение части населения от мобилизации в Красную Армию и дезертирство. За период с октября по декабрь 1944 г. по девяти западным районам области уклонился от учета 231 военнообязанный, 458 человек не явились на призывные пункты, 314 – дезертировали из рядов РККА [5, д. 3, л. 17]. При этом военнослужащие дезертировали, как правило, с оружием в руках и пополняли ряды антисоветского подполья.

Сложная ситуация в западных районах складывалась в связи с переселением граждан польской национальности в Польшу по заключенному между БССР и Польшей соглашению об обмене населением. Из районов в область поступали докладные записки о «массовом выезде населения», среди которого основную часть составляют белорусы [5, д. 540, л. 25]. Архивные документы отражают также мнение представителей местных властей по этому поводу: «Многие записывались и подавали заявления для переселения в Польшу с тем, чтобы не платить денежных и натуральных налогов, не быть мобилизованными для работ в промышленность и на строительство, а также уклониться от мобилизации в Красную Армию» [5, д. 21, л. 85].

Попытки ограничить выезд вызывали протесты, жалобы, стихийные выступления. Так, в Докшицком районе в ночь с 7 на 8 ноября 1944 г. на здании райсовета прибили польский флаг с лозунгом «Еще Польша не сгинела». В Браславском районе были расклеены листов-

ки с угрозой в адрес актива села и призывом за создание «Великой Польши до Витебска, Киева и Черкасс» [5, д. 8, л. 7, 13]. В партийные инстанции поступали сигналы о распространяющихся среди населения слухах: «Кто не выедет в Польшу, тот будет сослан в Сибирь» [5, д. 20, л. 95].

В целом, несмотря на существовавшее недовольство определенной части жителей региона, прежде всего западных районов, мероприятиями, притворяемыми в жизнь советской властью, чувство благодарности за «освобождение от немецкого ига», вера в справедливость войны против захватчиков и оккупантов, надежда на лучшие перемены разделялись большинством населения. На исходе Великой Отечественной войны преобладали патриотизм и желание достижения скорейшей победы над Германией. Так, духовный настрой общества, которое было преимущественно женским, характеризует высказывание крестьянки Плисского района, попавшее в информационный отчет: «Пусть лучше я буду вдовой погибшего героя, чем женой живого дезертира» [5, д. 286, л. 73]. По воспоминаниям людей, проживавших в Витебской области в 1944–1945 гг., понимание общности трудностей, выпавших на долю всего населения СССР, подавляло негативные эмоции по отношению к окружающей действительности.

Заключение. Таким образом, тяжелые социально-экономические условия послеоккупационной военной повседневности, острые проблемы в области питания и материального обеспечения отодвигали на второй план вопросы досуга, культурного проведения свободного времени. Местные органы власти уже в послеоккупационный период войны прилагали усилия по воссозданию работы учреждений культуры и образования, которым придавалось большое значение в политико-моральном воспитании населения. И хотя по причине нехватки средств, квалифицированных кадров процесс восстановления учреждений культуры и распространения средств массовой информации шел очень медленно, культурная жизнь постепенно налаживалась. Вместе с тем, прежде всего развитие образования и досуговой сферы являлось

не только необходимой составляющей налаживания мирной жизни в регионе, но и осознавалось как изменение к лучшему самим обществом, в сферу повседневности которого начинали включаться не только материальные, но и духовные ценности. Несмотря на имевшие место протестные настроения в западных районах, в целом система ценностей советского строя разделялась большинством населения региона, в массовом сознании преобладал государственный патриотизм. Основные настроения жителей региона определялись эмоциональным подъемом и оптимистическими ожиданиями в связи с окончанием оккупации. Трудности жизни – неизбежные после столь разрушительной войны и трехлетней оккупации – воспринимались основной частью населения с пониманием, как своего рода «норма» послевоенного бытия. Подавляющая часть общества с пониманием относилась к необходимости значительного напряжения сил и подчинения личных интересов общим для приближения по-настоящему мирной жизни и преодоления последствий войны и оккупации.

Статья выполнена в рамках НИР «Повседневность населения Витебщины в послеоккупационный период Великой Отечественной войны (лето 1944 – весна 1945 гг.)» (договор с БРФФИ № Г13М-164 от 16.04.2013 г.; номер государственной регистрации 20131560 от 17.07.2013).

Литература

1. Государственный архив Витебской области (далее ГАВО). – Ф. 119-п. – Оп. 1.
2. ГАВО. – Ф. 102-п. – Оп. 3.
3. ГАВО. – Ф. 10113-п. – Оп. 1.
4. ГАВО. – Ф. 1-п. – Оп. 1.
5. ГАВО. – Ф. 10060-п. – Оп. 1.
6. Зубкова, Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 / Е.Ю. Зубкова. – М.: РОССПЭН, 1999. – 229 с.
7. Тимонова, А.В. Крестьянство БССР в послеоккупационный военный период (осень 1943 – весна 1945 гг.) / А.В. Тимонова // Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память: в 2 кн. / Нац. акад. наук. Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А.А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2010. – Кн. 2. – С. 86–114.

Поступила в редакцию 30.04.2015 г.